

Попытка номер пять

Отставной штабс-капитан Северского конно-егерского полка князь Иван Шелешпанский. Портрет неизвестного художника, 1822 год. Холст, масло. 67 x 55,7 см. Чухломской краеведческий музей имени А. Ф. Писемского

Александр Кибовский

Для атрибуции портретов важным признаком является история их бытования: в каком семейном собрании они хранились до революции. Ведь в фамильных дворянских галереях находились портреты родных и близких. Изучая их биографии, можно в конце концов обнаружить того, кто запечатлён на картине. Правда, не всегда с первой попытки.

В Чухломском краеведческом музее хранится портрет участника Отечественной войны 1812 года. Эту картину музей купил 18 ноября 1922 года у крестьянина Ф. И. Семёнова из деревни Тимошино в 15 вёрстах от Чухломы, где раньше находилась усадьба князей Шелешпанских. После революции местные крестьяне разобрали из неё фамильные портреты. И при первом же осмотре в музее предположили, что на картине изображён князь Александр Сергеевич Шелешпанский, владевший усадьбой в начале XIX века, либо его старший брат Пётр.

Но от первой версии быстро отказались. На холсте обнаружилась дата — 1822 год. Но ведь князь Александр Шелешпанский умер ещё 11 мая 1817 года в почтенном возрасте 66 лет. Очевидно, что офицер на картине годится князю в сыновья. Так возникла вторая версия, и в книгу поступлений музея портрет записали как изображение его сына князя Петра Александровича Шелешпанского.

Однако спустя полвека вторую версию тоже пришлось дезавуировать. Известный костромской краевед Елена Васильевна Сапрыгина установила, что князь Пётр Шелешпанский родился 21 июня 1804 года. Следовательно, он не мог участвовать в Отечественной войне 1812 года. Но кто же тогда изображён на портрете и как он попал в усадьбу князей, относившихся к Рюриковичам?!

Чтобы разобраться, Сапрыгина обратилась к московскому специалисту Александру Михайловичу Горшману, некогда известному знатоку мундиров и наград. Увидев портрет, он легко установил, что на нём показан обер-офицер конно-егерского полка. На его груди видна неуставная золотая пряжка с изображением сабли, к которой прикреплены круглый знак ордена Святой Анны 4-й степени, серебряная и бронзовая дворянские медали в память Отечественной войны 1812 года. Поскольку знак ордена Святой Анны 4-й степени полагалось крепить на эфесе холодного оружия, то пряжка с изображением сабли может означать как само Аннинское

Мундир (без эполет) офицера Северского конно-егерского полка, 1824 год. Мундир, вероятно, принадлежал шефу полка великому князю Николаю Павловичу. Музей истории военной формы одежды российской, советской и иностранных армий

Лифляндский (красный), Переяславский (малиновый), Северский (оранжевый) и Дерптский (розовый) полки. Понять, какого именно оттенка детали мундира на портрете, очень сложно. Тем более что наше современное восприятие цветов не всегда аналогично тому, как их трактовали в начале XIX века. Например, розовое в нашем понимании называлось тогда «абрикосовое», а розовое того времени мы скорее назвали бы алым, как пионерский галстук.

Кроме того, не факт, что сегодня мы видим на картине первоначальный оттенок. Лак на портрете пожелтел и мог повлиять на общую цветовую гамму. При реставрации 1970-х годов тоже могли быть допущены изменения. Так что судить приходится очень аккуратно. Подбой эполет офицера вроде бы оранжевый. Но клапаны на воротнике и выпушка по борту мундира смотрятся более тёмными. В этой связи Горшман решил, что офицер служил сначала в Северском конно-егерском полку, а затем перешёл в Лифляндский, оставив при новом мундире старые эполеты.

Утверждение более чем странное. Но Александр Михайлович даже предложил свою кандидатуру — штабс-капитан Семён Осипович Бартнев. Он сообщил Сапрыгиной его героическую биографию, где чего только не было: и участие в штурме турецкой крепости Базарджик, и ранение саблей в лицо в Битве народов при Лейпциге, и много чего ещё. Эта красивая версия очень понравилась, и в 1985 году её опубликовали в альбоме «Музеи Костромской земли».

А через двадцать лет случился неприятный казус. Старший научный сотрудник Костромского музея-заповедника Галина Удовенко обнаружила, что в Северском конно-егерском полку штабс-капитан Бартнев никогда не служил! «Велико же было удивление и разочарование музейщиков, — писала Елена

оружие, так и ещё одну награду — золотое оружие с надписью «За храбрость». Следует заметить, что офицер не избалован отличиями. Многие участники походов 1812–1814 годов имели по несколько российских и иностранных орденов крестов. У нашего же героя всё довольно скромно.

Сложнее оказалось разобраться с тем, в каком именно из восьми армейских конно-егерских полков служил офицер. Четыре из них имели клапаны на воротнике и выпушки мундира светлосиние, бирюзовые, жёлтые и белые. Их можно исключить. Но ещё остаются

Через двадцать лет случился неприятный казус

Офицеры конно-егерских и драгунских полков на бивуаке.
Лист из альбома под условным названием «Серия акварельных рисунков генерала Краузе», 1816–1820 годы. ГИМ

Сапрыгина, — когда А. М. Горшман отказался от этой версии и выдвинул другую кандидатуру, а именно — Петра Фёдоровича Григорова». Для доказательства своей новой атрибуции Горшман в августе 2007 года прислал в Кострому сведения о службе штабс-капитана Григорова, якобы выписанные из его формулярного списка в Российском государственном военно-историческом архиве.

Новая версия, как и предыдущая, изобиловала красивыми подробностями, в том числе чухломским происхождением Григорова. Служил он якобы с 1806 года в Северском полку, из которого 30 августа 1815 года его перевели в Лифляндский. Сымитированный под старые речевые обороты текст убедил Сапрыгину, будто формуляр Григорова «не оставляет ни капли сомнения, что моделью портрета мог быть только он». Непонятным оставалось лишь, почему портрет оказался в усадьбе князей Шелешпанских, не имевших с Григоровыми никаких родственных связей. Но и эти сомнения Горшман развеял самым решительным образом, предложив разные версии, в том числе такую: «А может быть, тот житель села Тимошина, у которого портрет был куплен уже при советской власти, спёр его где-то в Солигаличском уезде, а может, и в Чухломском или в Буйском — как можно знать за давностью лет, когда столько разных перевертонов произошло?»

Увы, все сведения Горшмана о Петре Фёдоровиче Григорове, как и в случае с Бартеневым, являются вымыслом. Да и не мог он в 2007 году отыскать в РГВИА его формулярный список, поскольку уже два десятка лет не посещает архив после одной весьма непри-

Образец мундирного сукна оранжевого цвета времён Николая I. Музей-панорама «Бородинская битва»

Четвёртая попытка атрибуции оказалась мистификацией

глядной истории. Если же на самом деле обратиться к документам, то ветеран 1812 года с фамилией Григоров в Северском полку никогда не служил. Был офицер Григоров в Лифляндском полку, но он никуда из него не отлучался с 1811 по 1822 год, когда его перевели штабс-ротмистром в Иркутский гусарский полк.

Поскольку четвёртая попытка атрибуции картины оказалась мистификацией, имеет смысл вернуться в самое начало и ещё раз изучить биографии членов семьи владельцев усадьбы Тимошино. Уже упомянутый князь Александр Сергеевич Шелешпанский был женат на Анне Степановне Верховской, печально известной как «чухломская Салтычиха». Привыкнув за время петербургской службы мужа к столичной жизни, она в 1791 году тяжело пережила возвращение в глухую усадьбу. Пристрастившись к спиритному, княгиня

с садистским наслаждением истязала крепостных, замучив и забив розгами до смерти 18 человек. В 1807 году несколько отчаявшихся крестьян сбежали, добрались до Петербурга и подали жалобу Александру I. Назначенное императором следствие выявило жуткие обстоятельства, и по указу Священного синода 15 ноября 1811 года княгиню Шелешпанскую пожизненно заточили в монастырь.

Но сам князь Александр Шелешпанский к суду за преступления жены не привлекался. От брака с «чухломской Салтычихой» он имел восемь детей — четыре сына и четыре дочери. После его смерти в 1817 году при разделе всех фамильных владений усадьба Тимошино перешла ко второму сыну князю Ивану Александровичу Шелешпанскому. Он родился в 1791 году и начал службу в Петербурге коллежским регистратором в Исполнительном департаменте Министерства полиции. Но Отечественная война резко изменила судьбу молодого князя. В августе 1812 года он поступил офицером в 13-ю дружину Санкт-Петербургского ополчения, с которой участвовал в штурме Полоцка 6–8 октября и в сражении при Чашниках 19 октября.

В феврале 1813 года Иван Шелешпанский в рядах своей дружины вступил в Пруссию, где до декабря находился при осаде мощной крепости Данциг.

ФЕВРАЛЬ 2019

При реорганизации Петербургского ополчения князь 14 июля 1813 года был зачислен в 1-ю сводную дружину. Состоятельным начальником он участвовал в траншейных работах, а также в исправлении дорог. Во время сражений 30 августа при занятии форштадта Ора и при штурме ночью с 28 на 29 сентября предместья Шоттенгейзер князь находился в стрелках. За все свои отличия после капитуляции Данцига был награждён Аннинским оружием.

После роспуска ополчения князь вернулся в Исполнительный департамент Министерства полиции. Но славные военные походы сделали своё дело. Гражданская служба больше не привлекала молодого губернского секретаря. 9 июля 1816 года он поступил подпоручиком в Северский конно-егерский полк, где 13 мая 1818 года был произведён в поручики. 15 марта 1820 года Шелешпанский вышел в отставку штабс-капитаном и почти на полвека поселился в своей родовой усадьбе Тимошино. Интересно привести её описание, сделанное в 1858 году:

«Сельцо Тимошино принадлежит одному владельцу, в нём господская

Обер-офицер Северского конно-егерского полка. Рисунок шефа полка великого князя Николая Павловича, 1816 год. ГАРФ

усадьба с запашкою, рыболовная запрудня с мельницею и конный завод... Местная постройка крестьянских домов заключается в жилых одноэтажных и двухэтажных избах с двумя и тремя горницами, скотских дворах, хлебных амбарах, овинах с крытыми и некрытыми гумнами, сенных сараях. Местная стоимость хорошего крестьянского дома не менее 400 рублей серебром. Среднего 300 рублей серебром. Постройка крестьянских домов вообще производится из материалов помещичьих, при пособии помещика».

В 1831–1833 годах по выбору дворянства князь являлся судьёй Чухломского уездного суда. Умер Иван Шелешпанский 1 февраля 1866 года на 75-м году жизни и был похоронен в фамильном склепе в Авраамиевом Городецком Покровском монастыре на берегу Чухломского озера.

Возвращаясь к фамильному портрету из Тимошина, мы видим полное

совпадение как наград, так и мундира офицера с тем, что имел сиятельный владелец усадьбы. Правда, в 1822 году Шелешпанский уже находился в отставке и не должен был носить эполеты. Но это правило соблюдалось в повседневной жизни. Для портретов же на память потомкам отставные офицеры, как правило, позировали во всём великолепии своего военного мундира.

Теперь, с пятой попытки, мы вслед за Еленой Сапрыгиной можем повторить, что биография князя Ивана Шелешпанского «не оставляет ни капли сомнения, что моделью портрета мог быть только он». Для атрибуции оказались не нужны ни хитрые версии, ни ловкие мистификации. Достаточно было просто изучить происхождение картины. ▽

Автор — руководитель Департамента культуры города Москвы, кандидат исторических наук

